

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА: ВЕКТОР ИЗМЕНЕНИЙ, РИСКИ И АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ (по материалам общероссийских мониторинговых исследований)*

А.В. Мозговая

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 25/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: mozgovai@yandex.ru)

Содержание понятия социальных рисков становится особой научной проблемой для всех областей знания и социальной практики, имеющих отношение к исследованию феномена неопределенности и нежелательных последствий. Автор придерживается подхода, согласно которому социальные риски целесообразно интерпретировать как те, что складываются и проявляются в социальной сфере жизнедеятельности общества. В статье анализируются данные мониторинговых опросов населения России, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН с 2014 года при финансовой поддержке РФФИ по проекту «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». В статье рассмотрена динамика ряда показателей изменений в социальной сфере за заданный период: кроме стандартных социально-демографических показателей рассматриваются и индивидуально-личностные: эмоционально-психологическое состояние, оценка обстановки в стране, уровень доверия, уверенность в будущем, социальные ориентации и предпочтения, удовлетворенность разными сторонами жизни. По итогам анализа в статье сделаны выводы содержательного и методического характера. В частности, подтвердилась продуктивность целевого анализа как метода, расширяющего границы и возможности интерпретации данных мониторинговых «контекстных» опросов населения. Выделение подгрупп респондентов согласно исследовательскому интересу позволяет выявить особенности на фоне общих тенденций. В статье показано, что представители той совокупности, которая сформирована по критерию негативной оценки положения дел в социальной сфере, оказались наименее ресурсообеспеченными в противостоянии социальным рискам и угрозам в других сферах жизнедеятельности общества. Решающее влияние на оценку положения дел в социальной сфере оказывают не столько социально-демографические характеристики или показатели уровня и качества жизни, сколько индивидуально-личностные и мировоззренческие особенности, в частности установка на помощь государства как основной адаптационный ресурс.

Ключевые слова: социальная сфера; оценки; риски; ресурсы адаптации; динамика; анализ целевых групп

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА

В социальной философии и социологии теоретические и прикладные исследования рисков неизменно вызывают интерес исследователей [см., напр.: 5; 6]. Сегодня актуальность изучения этого феномена обусловлена возрастанием темпов структурных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, которые

* © Мозговая А.В., 2018.

Статья поступила в редакцию 21.05.2018 г.

требуют от индивида адаптации к рискам повседневности. В начале века ученые и практики обосновали концепцию стратегических рисков в системе государственного управления: междисциплинарный проект по изучению стратегических рисков России на основе разработанного специалистами методического аппарата с привлечением известных экспертов позволил выделить риски устойчивого развития страны в разных сферах — экономической, политической, социальной, научно-технической, природно-техногенной [10; 11]. Проведенное экспертами ранжирование значимости рисков на первые три места вывело риски экономической сферы, затем политической и социальной.

Так сложилось, что суждения и оценки по поводу значимости тех или иных угроз для страны, региона, населения и отдельного человека выносят эксперты, решения принимают управленческие структуры, а непосредственными «потребителями» учтенных (явных) и не просчитанных (скрытых) рисков являются люди и окружающая их природная и социальная среда.

Проблема соотношения экспертных оценок и оценок населения поставлена давно, и исследования зафиксировали здесь серьезные расхождения. Такие выводы в зарубежной управленческой практике послужили обоснованием разработки методологии и методики учета интересов населения в разработке и принятии управленческих решений в ситуациях риска — оформилась специфическая культура «рисковой коммуникации». В отечественной практике ее примеры единичны и в научных публикациях не анализируются.

Развитие культуры рисковой коммуникации зависит от мониторинговых социологических исследований. Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук с 2014 года провел шесть «волн» общероссийских опросов, данные которых доступны для анализа, в том числе с учетом проблематики социологии риска, т.е. определения тех сфер жизнедеятельности общества, которые в представлениях населения содержат самый большой объем рисков.

В инструментарии мониторинга содержался вопрос, в котором респондентам предлагалось высказаться по поводу того, каким образом менялось положение дел в ряде сфер жизни общества — улучшалось, не менялось, ухудшалось. Перечень интересующих исследователей сфер менялся, но во всех шести волнах замерялись позиции респондентов по девяти сферам: состояние экономики страны в целом; уровень жизни населения; моральное состояние общества; международные отношения; международное положение страны; ситуация в области прав и свобод, развитие демократии; борьба с коррупцией, законность и правопорядок; ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура); борьба с терроризмом.

В статье за основу взяты данные первой волны, в которой респондентам предлагалось оценить изменения последних 10 лет (2005—2014), данные третьей волны — оценки за прошедший год (2015) и пятой волны — оценки за 3 года (2013—2015). Таблица с данными мониторинга трех волн содержит 81 ячейку, и для визуализации данных такой формат неприемлем, поэтому были просчитали рейтинги девяти сфер социальной жизнедеятельности только по позиции «положение ухудшилось» за период 2005—2014 и 2013—2015 годов (табл. 1).

Рейтинги сфер по позиции «положение дел ухудшилось»

Сферы	Период / Рейтинг	
	2005—2014	2013—2015
Состояние экономики страны	3	2
Уровень жизни населения	3	1
Моральное состояние общества	2	3
Межнациональные отношения	1	4
Международное положение страны	1	3
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	4	5
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	3	4
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура)	2	3
Борьба с терроризмом	5	5

Анализировать позиции респондентов по всем сферам трудоемко и в рамках одной статьи нецелесообразно, поэтому была выявлена та сфера, относительно которой доля негативных оценок возрастала постоянно, — это социальная сфера. Так, в 2014 году по отношению к предыдущим десяти годам респонденты оценили положение дел в этой сфере следующим образом: улучшилось — 25%, не изменилось — 41%, ухудшилось — 34%; в 2016 году зафиксированы оценки по отношению к периоду с 2013 по 2015 годы — 10%, 37%, 44% соответственно, при этом в инструментарии появилась позиция «затрудняюсь ответить» (9%), т.е. две позиции («улучшилось» и «не изменилось») потеряли 19%. Рискнем предположить, что затруднившиеся оценить направленность изменений просто ушли от отрицательного ответа.

Дальнейший анализ затрагивает только социальную сферу, которая содержит в себе фундаментальные социальные риски, в том числе стратегические.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: ПОНЯТИЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

На макроуровне объектами социальных рисков выступают нации, государства и основные сферы жизнедеятельности общества; на социоструктурном уровне — социальные институты и группы; на уровне индивидов риски макроуровня и социоструктурные риски проявляются в особенностях качества жизни, социального самочувствия и защищенности. Обновляющаяся социальная среда характеризуется множеством разновекторных изменений, происходящих в российском обществе на социетальном уровне: наряду с несомненным модернизационным продвижением формируются области неопределенности с высокой вероятностью появления новых и усиления существовавших социальных рисков. В рамках принятой в системе управления чрезвычайными ситуациями концепции социальный риск трактуется как «парная» по отношению к индивидуальному риску категория: «индивидуальный риск представляет собой частоту, с которой индивид может понести определенный ущерб», а «социальный риск — отношение между частотой возникновения ущерба определенной величины и размером ущерба» [11. С. 234].

В наиболее полной и системной классификации рисков по источникам, факторам (среде возникновения) или причинам (природе) опасности/ущерба А.А. Быков и Б.Н. Порфирьев выделяют природные и антропогенные риски: вторые включают в себя социогенные риски, к одной из разновидностей которых относятся социальные риски (межличностные, внутригрупповые, межгрупповые) [1. С. 330]. С.М. Мягков выделяет социальные риски по источнику или адресату: «социальный по источнику риск, имеющий социальный же адресат, делится дополнительно на внешний и внутренний по отношению к группе людей, рассматриваемой как объект защиты». Внешний социальный риск для группы создается другими группами, внутренний — в самой группе [4. С. 8—9]. В литературе встречается и утверждение, что «групповой риск — риск, которому подвергается группа людей, социальный риск — риск ущерба для социальных систем» [6. С. 261]. «Понятие „социальный риск“ указывает, прежде всего, на сферу, в которой складывается и, возможно, осуществляется неблагоприятное для людей событие» [3. С. 15].

Социальные риски целесообразно интерпретировать как те, источник и адресат которых находится в социальной сфере — пространстве, где сходятся субъекты социального действия для предьявления своих потребностей и интересов и выработки механизмов управления процессами их удовлетворения. Социальная сфера включает в себя «ансамбль специфических социальных связей и отношений, а также совокупность социальных институтов, элементов инфраструктуры, непосредственно обеспечивающих жизнедеятельность человека и его развитие» [7. С. 71].

Специалисты фиксируют существенное ослабление самых фундаментальных функций социальной сферы — воспроизводства жизни (социальной повседневности) населения, его материального благополучия, физического, духовно-нравственного и психологического здоровья; опасный характер депопуляционных процессов, обнищание части населения, разрушение трудового потенциала, ухудшение социально-экологической ситуации, обострение угроз технологических аварий и катастроф [2].

Специфика социальных рисков состоит в том, что они раскалывают общество по критерию наличия ресурсов противостояния и адаптации к неопределенности и угрозам, углубляя социально-структурную дифференциацию. Мониторинговые исследования позволяют выявить и оценить ресурсы адаптации к рискам, в том числе в социальной сфере, которыми располагают различные категории населения, спрогнозировать динамику рисков и обосновать управленческие решения по снижению неравенства в обладании ресурсами адаптации к рискам и угрозам [9. С. 8].

Используя данные мониторинговых опросов населения России, проанализируем динамику ряда показателей — позиции респондентов относительно изменений в социальной сфере. Негативная динамика — предпосылка формирования областей неопределенности, обуславливающей вероятность рисков, а показатели — элементы ресурсов адаптации к рискам. Исследуются показатели, которые можно сконструировать на базе вопросов анкеты — они необходимы, но не достаточны, хотя и информативны. Кроме стандартных социально-демографических

показателей рассмотрим и несколько индивидуально-личностных: эмоционально-психологическое состояние, оценку обстановки в стране, уровень институционального доверия, уверенность в будущем, социальные ориентации и предпочтения, удовлетворенность разными сторонами жизни. Рассмотрим по этим показателям позиции трех совокупностей респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов по оценкам изменений в социальной сфере

Положение дел в социальной сфере						
улучшилось		не изменилось		ухудшилось		затруднились ответить
2014 <i>n</i> = 989 25%	2016 <i>n</i> = 418 11%	2014 <i>n</i> = 1641 41%	2016 <i>n</i> = 1474 37%	2014 <i>n</i> = 1354 34%	2016 <i>n</i> = 1759 44%	2016 <i>n</i> = 349 8%

Для описания и интерпретации результатов необходимо присвоить условные обозначения совокупностям респондентов: тех, кто считает, что положение дел в социальной сфере улучшается, назовем «позитивными», ухудшается — «негативными», а тех, кто никаких изменений не замечает, — «сдержанными».

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Респонденты, в 2014 году оценившие десятилетние изменения определенным образом, в 2016 году трехлетние изменения оценили практически так же. Возникает вопрос: на основе какой информации, кроме собственного повседневного опыта, респонденты оценивают ситуацию в стране. Основным источником информации служит центральное телевидение (более 80%); доля пользующихся Интернетом как информационным ресурсом выше в совокупности «позитивных» — 52% против 40% в других группах. При фактически одних и тех же источниках информации разница оценок ожидаема: очевидно, что оценивающие положение дел в социальной сфере как ухудшение, и ситуацию в стране характеризуют преимущественно как напряженную, кризисную (табл. 3). Анализ оценок перспектив развития страны на ближайшее будущее показал, что с 2014 по 2016 годы доли позитивных оценок не изменились: успешное движение вперед прогнозируют порядка 40% «позитивных», 25% «сдержанных» и 13% «негативных»; снизилась доля ожидающих трудных времен и увеличилась доля считающих, что ничего не изменится, что можно интерпретировать как определенное снижение «рискованности» социальной среды.

Таблица 3

Характеристика ситуации в России разными группами респондентов, в %

Ситуация в России	Характеристика изменений в социальной сфере					
	Положение дел					
	улучшилось		не изменилось		ухудшилось	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Спокойная	48	47	38	36	23	22
Напряженная, кризисная	47	49	57	57	67	66
Катастрофическая	5	4	5	7	10	12

Однако доля испытывающих эмоциональный подъем невысока во всех трех группах. Доля характеризующих свое состояние как спокойное высока в двух первых группах и ожидаемо ниже в группе оценивающих изменения в социальной сфере как негативные: 60—50% против 37—40%. Доля «тревожных» снизилась, а доля «апатичных» увеличилась: с 5% до 14% среди «позитивных», с 9% до 19% среди «сдержанных», с 12% до 31% среди «негативных». Есть также раздраженные и озлобленные: в первых двух совокупностях их порядка 10%, а среди «негативных» — 15—18%. Данные показывают, что увеличение доли считающих, что ничего не изменится, связано не со снижением «рискованности» восприятия среды у части населения, а с изменением социального настроения — с тревожного на апатичный, а апатия — непродуктивный адаптационный ресурс.

Уровень институционального доверия имеет явную тенденцию к снижению, за исключением доверия президенту. При общей отрицательной динамике группа «негативных» характеризуется самыми низкими оценками. Слабая положительная динамика наблюдается по отношению к таким институтам, как органы внутренних дел и армия. Не изменился уровень доверия церкви (в границах 60/50/40% соответственно), судебной системе (38/29/15%), общественным организациям, телевидению и прессе. Соответственно, возникает вопрос о том, на кого респонденты полагаются в повседневной жизни (табл. 4).

Таблица 4

Опора в повседневной жизни респондентов, по-разному оценивающих положение дел в социальной сфере (в % по каждой группе)

Опора в повседневной жизни	Характеристика изменений в социальной сфере					
	Положение дел					
	улучшилось		не изменилось		ухудшилось	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Смогут обеспечить себя и свою семью без помощи государства	47	53	46	48	40	38
Не выживут без помощи государства	53	47	54	52	60	62

Доля тех, кто может сам себя обеспечить, остается практически одинаковой, при том что в совокупности «негативных» доля ниже, чем в двух других. Та же тенденция наблюдается и по всем группам среди тех, кто утверждает, что не выживет без помощи государства. Для «расшифровки» позиций респондентов рассмотрим показатель их удовлетворенности разными сторонами повседневной жизни (табл. 5).

Во всех совокупностях самая высокая удовлетворенность фиксируется по позициям «отношения в семье» и «общение с друзьями», т.е. отношения в ближайшем окружении для респондентов — своеобразная область комфорта и защищенности. Удовлетворенность жизненными условиями выше по всем позициям в группе «позитивных», и это значимый адаптационный ресурс, чем бы удовлетворенность ни была обусловлена.

Таблица 5

Условия повседневной жизни респондентов, по-разному оценивающих положение дел в социальной сфере (доля положительных оценок по группам)

Условия повседневной жизни, оцениваемые на «хорошо» (удовлетворенность)	Характеристика изменений в социальной сфере					
	Положение дел					
	улучшилось		не изменилось		ухудшилось	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Материальная обеспеченность	30	27	22	19	12	14
Питание	53	49	43	42	29	36
Одежда	40	39	31	31	21	25
Состояние здоровья	41	42	32	37	25	28
Жилищные условия	39	47	34	41	29	38
Отношения в семье	71	68	61	63	54	60
Возможности для досуга	41	38	33	31	21	27
Ситуация на работе	39	35	28	27	19	23
Проведение отпуска	33	30	23	20	14	18
Общение с друзьями	64	63	53	52	50	47
Реализация в профессии	43	36	29	28	19	23
Получение образования	39	38	27	30	18	21
Место, регион проживания	47	50	38	37	34	34
Положение, статус в обществе	45	46	36	35	26	30
Личная безопасность	42	47	29	37	24	27
Жизнь в целом	51	48	36	35	26	31
Экологическая ситуация в месте проживания	*	38	*	25	*	23
Выражение политических взглядов	*	39	*	30	*	21

* соответствующая позиция в анкете отсутствовала.

Различия между двумя совокупностями («позитивных» и «негативных») существенны и с годами усугубляются. Внутригрупповая динамика почти отсутствует, за исключением того, что среди «позитивных» уровень удовлетворенности жилищными условиями повысился, а реализации в профессии — снизился; среди «сдержанных» вырос уровень удовлетворенности и жилищными условиями, и личной безопасностью; среди «негативных» — удовлетворенность питанием и жилищными условиями. Представители совокупности, которая сформирована по критерию негативной оценки положения дел в социальной сфере, оказались наименее ресурсообеспеченными в противостоянии как социальным рискам, так и угрозам в других сферах.

В этой связи интересно рассмотреть сходства и различия сформированных совокупностей по базовым социологическим показателям. По признакам гендерной принадлежности, образования, занятости, типу места проживания, доходу группы существенно не отличаются. Почти половина опрошенных в каждой из них получает доход до 15 тысяч рублей в месяц, порядка 30% — от 16 до 25 тысяч, 11% — 26—35 тысяч, 5% — 36—45 тысяч, 3% — 46—55 тысяч. В совокупности «негативных» несколько выше доля респондентов в возрасте 56—75 лет по сравнению с «позитивными» (30% против 15%).

Дальнейшее углубление анализа возможно лишь отдельно по данным первой (2014) и пятой (2016) волн, так как интересующие нас показатели в инструментарии двух волн не совпадают. Рассмотрим ряд показателей мониторинга 2016 года (оценки за 2013—2015 годы) — интерес представляют переменные, по которым сформированные совокупности существенно различаются, поскольку они могут

дополнить интерпретацию оценок изменений в социальной сфере. Так, доля считающих, что напряженность в обществе за три предшествовавшие опросу года (2013—2015) снизилась, значительно выше в совокупности «позитивных» — 40% против 13% среди «негативных», считающих, что напряженность возрастает — 36% против 64%. Ухудшения материального положения ожидают 28% «позитивных» и 59% «негативных». Доля уверенных в своем будущем — 73% против 31%.

Оценивая динамику своих ощущений за последние 10 лет, респонденты отметили следующее: уверенность повысилась, страхи и тревоги ослабли у 39% «позитивных» и 9% «негативных»; стали менее уверенными, страхи усилились у 10% и 26%, соответственно; одни страхи ушли, другие возникли — 28% и 40%.

Перемены своего мировосприятия с личной и семейной жизнью связывают 14% «позитивных» и 8% «негативных», с переменами в обществе, стране — 27% и 41%, с возрастными изменениями — 38% и 29%. Желают существенных перемен, реформирования в экономической и политической сферах — 34% «позитивных» и 43% «негативных».

Данные опроса 2014 года позволяют выявить некоторые мировоззренческие особенности интересующих нас совокупностей. Так, среди «позитивных» доминируют сторонники сочетания сильного государства и рыночной экономики и возрождения страны на основе исторических и духовных традиций (более 50%); среди «сдержанных» на первом месте по частоте выборов позиция «никаким силам не симпатизирую» (около 25%) при значительной доле «ушедших» от ответа (порядка 18%); среди «негативных» также высока доля тех, кто никаким политическим силам не симпатизирует (около четверти). Пожалуй, можно утверждать, что для «позитивных» характерно более четкое общественно-политическое самоопределение.

Еще один вопрос мониторинга 2014 года позволяет судить о позициях представителей интересующих нас совокупностей относительно взаимоотношений общества и личности, где обнаруживаются существенные различия между «позитивными» и «негативными» (табл. 6).

Таблица 6

Суждения о взаимоотношениях личности и общества (доли по группам)

Суждения / позиции	Положение дел в социальной сфере	
	улучшилось	ухудшилось
Поддерживают перемены, жизнь в меняющемся обществе	60	44
Жизненный успех и неудачи зависят от самого человека, а не от внешних обстоятельств	63	47
Главное инициатива и предприимчивость, даже если окажешься в меньшинстве	59	52
Свобода человека в политических правах	38	45
Ради общезначимых целей можно пожертвовать личным благополучием	46	28
Людям следует ограничить личные интересы во имя интересов страны	53	38
Для жизненного успеха приходится переступать через моральные нормы	30	28
Человек должен жить в той стране, где ему нравится	44	45

Представители обеих групп склонны придерживаться моральных норм и принципов в процессе достижения жизненных целей, успеха, готовы оказаться в меньшинстве и нарушить традиции ради реализации своей инициативы, сходны их позиции относительно свободы выбора страны проживания. Однако существенны и различия: так, среди «позитивных» выше доля поддерживающих изменения, считающих, что успех зависит от самого человека, свободу связывающих с возможностью быть самим собой; в то же время «позитивные» утверждают, что личным надо жертвовать ради общественного (позиция для «других», не для себя).

Таким образом, выше были продемонстрированы возможности сравнительного анализа совокупностей респондентов, выделенных из общего массива данных по определенному (целевому) критерию — оценке вектора изменений в социальной сфере (положение дел улучшилось/не изменилось/ухудшилось).

Подобный целевой метод расширяет границы и возможности интерпретации данных мониторинговых «контекстных» опросов населения, позволяя выявить особенности на фоне общих тенденций. Так, сравнительный анализ установок двух противоположных по оценкам изменений в социальной сфере целевых групп («позитивных» и «негативных») показал, что восприятие условий среды у групп различается: низкие оценки напряженности в обществе в сочетании с высокими оценками уверенности в будущем являются мощным адаптационным ресурсом для представителей той группы, которую мы условно назвали «позитивными», поэтому они не хотят существенных перемен и реформ. Почти половина представителей той группы, которую мы условно назвали «негативными», напротив, настроена на радикальные перемены. Подчеркнем, что доля респондентов этой группы в общем массиве опрошенных составляла в 2016 году 44%, и среди них около четверти тех, кто никаким политическим силам не симпатизирует, и более 60% тех, кто не сможет выжить без помощи государства. Эта группа наименее ресурсообеспечена в противостоянии как социальным рискам, так и тем угрозам, которые формируются в других сферах жизнедеятельности общества. Факторами влияния на оценки всех групп являются не столько социально-демографические характеристики и не показатели уровня и качества жизни, сколько личностные и мировоззренческие показатели, особенно установка на помощь государства как основной адаптационный ресурс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Быков А.А., Порфирьев Б.Н.* Об анализе риска, концепциях и классификации рисков // Проблемы анализа риска. 2006. Т. 3. № 4.
- [2] *Ковалев В.Н.* Социология управления социальной сферой. М., 2003.
- [3] *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М., 2004.
- [4] *Мягков С.М.* География природного риска. М., 1995.
- [5] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 4.
- [6] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.

- [7] *Осадчая Г.И.* Социология социальной сферы. М., 2003.
- [8] *Проценко А.Н.* Об основных принципах и механизмах управления региональной безопасностью // Проблемы анализа риска. 2006. Т. 3. № 3.
- [9] Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017.
- [10] Стратегические риски развития России: идентификация и оценка / Отв. ред. Б.Н. Порфирьев. М., 2010.
- [11] Стратегические риски России: оценка и прогноз / Под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. М., 2005.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718

SOCIAL SPHERE: VECTORS OF CHANGE, RISKS, AND ADAPTATION RESOURCES (the results of all-Russian monitoring surveys)*

A.V. Mozgovaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: mozgovai@yandex.ru)

Abstract. The content of the concept ‘social risks’ has become a scientific problem for all areas of knowledge and social practices related to the study of uncertainty and its undesirable consequences. The author relies on the approach, according to which social risks should be interpreted as developing and manifesting themselves in the social sphere. The article analyzes the data of monitoring surveys of the Russian population conducted by the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation for the project “The dynamics of social transformation in contemporary Russia in the social-economic, political, social-cultural and ethno-religious contexts”. The article shows the dynamics of some indicators of the changes in the social sphere: in addition to standard social-demographic indicators, the author considers individual-personal ones such as emotional-psychological condition, assessment of the situation in the country, level of trust, confidence in the future, social orientations and preferences, satisfaction with different aspects of life. Based on the results of the analysis, the author makes conclusions of the theoretical and methodological character. For instance, the target-group analysis proved to be a method that expands boundaries and possibilities of interpreting data of the monitoring “contextual” opinion polls. Selection of subgroups of respondents according to the researcher interest allows to identify specific features within the general trends. The article shows that the group with negative assessments of social situation possesses the smallest resources to confront social risks and threats in all spheres of society. The estimates of the situation in the social sphere are determined not so much by social-demographic characteristics or the level and quality of life as by individual and world-view peculiarities, especially by the perception of the state as the main adaptation resource.

Key words: social sphere; estimates; risks; adaptation resources; dynamics; analysis of target groups

* © A.V. Mozgovaya, 2018.
The article was submitted on 21.05.2018.

REFERENCES

- [1] Bykov A.A., Porfiriev B.N. Ob analize riska, kontseptsiyah i klassifikatsii riskov [On risk analysis, concepts and classification of risks]. *Problemy Analiza Riska*. 2006; 3 (4) (In Russ.).
- [2] Kovalev V.N. *Sotsiologiya upravleniya sotsialnoi sferoi* [Sociology of Social Sphere Management]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [3] Kravchenko S.A., Krasikov S.A. *Sotsiologiya riska: poliparadigmalny podkhod* [Sociology of Risk: A Polyparadigmatic Approach]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [4] Myagkov S.M. *Geografiya prirodnogo riska* [Geography of Environmental Risk]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [5] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Repertuar strakhov rossiyskogo studenta: po materialam empiricheskogo proekta [The Russian students' fears repertoire: The results of an empirical project]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 4 (In Russ.).
- [6] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears of the Russian students: An empirical study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2 (In Russ.).
- [7] Osadchaya G.I. *Sotsiologiya sotsialnoi sfery* [Sociology of Social Sphere]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [8] Protsenko A.N. Ob osnovnykh printsipah i mekhanizmah upravleniya regionalnoi bezopasnostyu [Main principles and mechanisms of regional security management]. *Problemy Analiza Riska*. 2006; 3 (3) (In Russ.).
- [9] *Rossiiskoe obschestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of the Time]. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [10] *Strategicheskie riski razvitiya Rossii: identifikatsia i otsenka* [Strategic Risks for the Development of Russia: Identification and Assessment]. Otv. red. B.N. Porfiriev. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [11] *Strategicheskie riski Rossii: otsenka i prognoz* [Strategic Risks for Russia: Assessment and Forecast]. Pod obsch. red. Yu.L. Vorobieva. Moscow; 2005 (In Russ.).